

12+

Мария Шари

Одиночество

Мария Шари

Одиночество

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67834854
SelfPub; 2022*

Аннотация

Одиночество имеет много определений. Это состояние каждый понимает для себя сам. Для кого-то это ощущение полной свободы, но для многих – это тяжкий крест. Состояние, когда человек не находит взаимопонимания с другими людьми. Почему одиночество зачастую удел большинства жителей больших городов? Удастся ли разобраться в этом героине рассказа?

Мария Шари

Одиночество

«Черт! Какой ужасный холод!», – подумал я, подходя к окну. В моей квартире тепло, несмотря на это, я поежился и вздрогнул, словно холодный октябрьский ветер проник сквозь оконные щели до самой глубины души.

Людей на улице не было видно, хмурый серый дождь смыл все сущее с лица земли. Облака рваными клочьями разбросаны по сизому небу, от чего оно казалось полосатым. Беззащитные в своей наготе деревья одиноко простирали ветви к небу. О чем они молили?

Я отошел от окна. На коврике у дивана растянулся Рекс, величественный и гордый как истинный англичанин королевский дог. Он слегка приподнял голову, будто прислушиваясь к шуму дождя. Я знал его повадки. Капризы погоды интересовали Рекса мало.

Нюх не обманул пса и на этот раз.

В дверь позвонили. Недоумевая, кого же черти могли принести в эдакое ненастье, я сунул ноги в теплые тапки и побрел к дверям.

И был просто поражен, увидев ее.

– Здравствуй, Володя! Не ждал?

Я замялся.

– Не-ет, вообще-то.

– Как поживаешь?

«Потрясающе! Она что, издевается?» – подумал я, но вслух сказал:

– Нормально. Да ты проходи, Таня, что стоишь в дверях.

Я злился на свое замешательство, на Таню, что ее приход выбил меня из состояния равновесия. Стою, как идиот, и двух слов связать не могу.

– Спасибо. – Она вошла.

Я смотрел на нее с недоумением, не зная, чего ждать: слез, обвинений, истерики? Женщины – народ эмоциональный, потому и непредсказуемый. Хотя Таня не такая как все.

– Удивлен? – спокойно спросила она. – Извини, что свалилась вот так, неожиданно. У меня к тебе одна просьба. Да не пугайся ты так, – улыбнулась Таня, заметив мою настороженность. Улыбка всегда красила ее. – Тебе это ничего не будет стоить. Вот, сохрани его, пожалуйста. Это дневник.

Она протянула мне простую ученическую тетрадь в синей обложке.

– Ну, я пошла, – сказала она, взявшись за ручку двери.

– Давай, провожу тебя, – спохватился я.

Тихое жужжание лифта. Мы молча спустились вниз. Она посмотрела на меня. В уголках глаз блестели слезы. Но уже в следующее мгновение она мило улыбнулась и, не дав сказать мне ни единого слова, решительно шагнула в дождь.

Я долго смотрел ей вслед, а она шла, не оглядываясь, та-

кая же высокая, стройная, с гордо поднятой головой. Полы плаща развевались за спиной. Она шла, не обращая внимания ни на ветер, ни на дождь. Красивая, умная женщина, которую я бросил.

Я ничего не понял. Зачем она приходила? Потом вспомнил о дневнике и поспешил домой, сгорая от любопытства.

Аккуратный ровный почерк. Я погрузился в чтение...

2 января.

Боже, как я счастлива! Давно, действительно давно, я не была так счастлива. И от чего? От того, что какой-то мужчина обратил на меня внимание. Да дело, пожалуй, не в этом. Я влюбилась, это точно. Диагноз верен. Причем влюбилась по самые уши с первого взгляда. Я тоже ему понравилась, было видно по его глазам, он заинтересован мной. Но, господи, как же я счастлива! Мне уже 30 лет, а я прыгаю и радуюсь как пятнадцатилетняя дурочка. Не хватает только слез в подушку. А, плевать на всех! Живу одна, сама себе хозяйка, да и город у нас такой, всех интересуется только собственные проблемы.

Но все-таки, как хорошо начался Новый год!

9 января.

Хорошее начало. Он звонит мне...иногда, но...В-общем-то, он интересный человек, впрочем, не буду спешить. Поживем-увидим. Говорят, как встретишь Новый год, таким

он и будет, хотя прежде я не верила этому, но надо же во что-то верить. И я буду верить!

17 января.

Если быть американкой, то у меня все okay. Были сомнения, но сейчас я уверена твердо: мы нужны друг другу. Сегодня Володя пригласил меня в театр. Ну что ж...

5 часов утра.

Совсем не хочется спать. Володя уже спит. Ощущаю себя двадцатилетней девчонкой. Божественный вечер и ночь в раю, чего еще можно желать. Мысленно оглядываюсь, вспоминая сегодня, вернее, уже вчера.

Когда в театре погас свет и начался первый акт, я слышала только его дыхание, видела только его. И сейчас смотрю на него. Лена, наверно, сочла бы его слишком уж упитанным и прилизанным, ей всегда нравились худощавые парни с выпирающими ребрами, она обожала мужчин, уверенных в себе и знающих толк в любом деле. Не знаю, меня притягивают интеллигентные. По состоянию души, а не по одежде. Внешний вид не так важен, я почти никогда не обращаю на это внимания.

А Володя – он так добр.

3 февраля.

За окном темнеет. Зима только теперь заявила о своих

правах. Утром еле добралась до работы. Холодный резкий ветер слепил глаза снегом, крутил в каком-то бешеном хоро-воде снежную пыль. Холод пробирал до костей.

Теперь вот сижу, завернувшись в отцовский плед, пытаюсь отогреться за день. На улице бушует страшная вьюга, в крошечной мгле не видно зданий, едва мерцают в снежном тумане огни квартир. Торшер отбрасывает мягкие тени, лениво шумит телевизор. В такой вечер лень о чем-то думать, приятная нега охватывает тело. Хорошо-то как!

14 февраля.

Недаром метель бушевала – город занесло снегом, впору хоть валенки надевать. Неслышно кружат снежинки. Как в песне: «А снег идет, а снег идет, и все вокруг чего-то ждет».

Возвращалась вчера вечером с работы – настроение в предвкушении выходных что надо, меня переполняла такая радость, когда не чувствуешь земли под ногами – и встретила Володю. Посмотрела на него, меня разобрал смех. Воротник его пальто и шапка в снегу, снег был на щеках, даже на ресницах. Я сказала ему, что теперь он снежный человек. Он беззвучно засмеялся и в тон мне ответил: «Я слышал о существовании снежных мужчин, но вот чтобы снежные женщины – такого еще не бывало. Так что, я тебя открыл». «Что ж, господин профессор, не угодно ли вам обмыть ваше открытие?». И так вот, занесенные по колено в снегу, мы по-шли ко мне.

Дома вместе готовили ужин (Володя оказывается еще и замечательный повар), пили итальянское вино и тестировали яства собственного изготовления. Я была так опьянена и по-детски счастлива, как и в первый раз, когда узнала Володю. Говорил больше он, мне нравилось просто слушать его, слышать его голос, слегка с хрипотцой, но очень приятный. Я смотрела на него и словно высохшая в засуху земля впитывала в себя благодатный образ любимого человека.

Он целовал мои руки, кончики пальцев, и каждый мой нерв вибрировал, словно натянутая струна. Мне хотелось слиться воедино с Володей, раствориться в нем без остатка.

А сегодня ведь 14-е. Здорово мы отметили День влюбленных! Святой Валентин может нами гордиться.

19 февраля.

В голове шумит, тяжело дышать. Простыла, черт возьми. Слоняюсь по квартире туда-сюда, лечь невозможно – на грудь будто давит кто-то, тяжесть невыносимая. Завтра возьму больничный, все же попробую отлежаться-отвалиться. Кашель проклятый замучил. Эх, ну до чего не люблю я болеть, дурацкое состояние во время болезни.

27 февраля.

Наконец, наконец, могу почувствовать себя человеком. После столь долгого отдыха в постели великое счастье сделать хоть что-то по дому и не падать с ног от усталости и из-

неможения. Володя только ушел. Бедный, целую неделю не отходил от меня. Он ухаживал за мной с ласковостью опытной сиделки, смущая меня своей заботливостью. Достал хорошие лекарства, готовил еду, даже с ложки кормил. Вчера мне полегчало, я попросила его поехать домой, отдохнуть. Он положил руку мне на плечо и мягко так сказал:

«Танюша, милая, не беспокойся. Все хорошо, мне нравится за тобой ухаживать».

Я вдруг вспомнила, что не поздравила его с праздником, мне стало неловко, он лишь ответил: «Пустяки». Его глаза при этом светились такой нежностью и любовью.

«Спасибо, Володя, я очень тебя люблю»

«Я тоже тебя люблю, Танюша».

Каким бальзамом были для меня эти слова.

Слова. В большинстве своем люди не могут определять и распознавать истину в глазах, идут путем наименьшего сопротивления и доверяют словам, оттого и несчастны. А я безумно счастлива, счастье переполняет меня и рвется наружу, я не сдерживаю его теперь – я счастлива! И верю словам Володи – глаза не обманывают. Возможно, кто знает, со временем это пройдет, но зачем заглядывать вперед. Пусть все будет как есть. Жизнь – лучшее, что у нас есть. Не будь горя и слез, разве знали мы истинную цену счастью?

9 марта.

Неужели это не сон?! Разве может одному человеку вы-

пасть столько счастья? Раньше мне казалось, по-настоящему люди бывают счастливы только в сказках. Сколько же длится моя сказка: тысячу лет или два месяца?

Раньше... А что было раньше? моя жизнь поделилась на две эры: до и после. Эра «до» – время сомнений, грустных размышлений и одиночества, особенно чувствительное в выходные и праздники, а «после» – боюсь, не хватит слов, чтобы описать мои ощущения. Такого у меня еще не было ни с кем.

Вчера звонила Лена, скороговоркой поздравила меня с праздником, сказала, что очень рада за меня, сгорает от нетерпения увидеть его. «В июне, Татьяна, приеду к тебе, устрою смотрины твоему Онегину.

Поговорила с ней, на душе осталось легкое и приятное чувство. Лена всегда умела одним словом или улыбкой рассеять мои сомнения, мир переставал казаться мне серым. «Да брось ты, Танька, эти штучки-дрючки. Ну что ты мечешься, как загнанный зверь? Не думай ни о чем и все будет хорошо».

Так оно и есть.

Володя переезжает ко мне: вчера, когда мы вернулись из ресторана, где отпраздновали Международный женский день, я предложила Володе жить у меня. И как же обрадовалась, когда услышала: «А знаешь, Танюша, я и сам хотел сказать об этом, но получилось бы, что напрашиваюсь». Сейчас он уехал, взять кое-какие вещи, а я напорхавшись по кух-

не, летаю по бумаге с пером в руке, потом помчусь, трепеща крыльями, одеваться и укладывать волосы. Все, пора бежать, нужно успеть до его прихода.

15 апреля.

Давно ничего не писала, все некогда и некогда. К тому же, не хочу, чтобы Володя видел дневник. Как-то он сказал, что считает дневники детскими записочками, ерундой и сплошной чушью.

Да мне пока и писать не о чем, течение моей жизни спокойное и размеренное, я всегда мечтала жить именно вот так! Говорят, человеку всегда всего мало. Не знаю, мне больше ничего не нужно, я считаю себя абсолютно счастливой. Уже больше месяца прошло, как мы с Володей живем вместе. Недавно были с ним на дне рождения Веры Скобелевой, моей сотрудницы. Пришла почти вся наша контора, даже шеф соизволил почтить своим вниманием скромный банкет.

С детства не люблю шумные сборища. Ненавижу водку, от нее в голове и на душе такая муть противная. Сколько вижу вокруг – от водки люди не просто пьянеют, а дуреют: мужчины с масляными глазами валятся на стол или на женщин, лезут с объятьями и поцелуями, а женщины уже не первой свежести скачут в ненормальном пьяном танце, завлекая мужиков осоловело блестящими глазами и сальными улыбочками. На подобных «праздниках» поначалу ведутся чинные

степенные разговоры, как на приеме у английской королевы, потом первые тосты (без тостов пьют только алкоголики) и дружный стук ложек, по мере увеличения пустых бутылок возле ножек стола громче становятся разговоры, захмелевшие гости клянутся друг другу в вечной дружбе и взаимопомощи, проливая водку на скатерть, спорят о политике, упиваясь собственным красноречием.

Мы с Володей сходимся в этом во мнениях – подобные вечера тоже не в его вкусе. Может потому, что не любители мы с ним выпить, даже не выпить, а напиться до бесчувственного, свинячьего состояния. Трезвому человеку среди пьяных делать нечего. Лишь когда ты сам, что называется ищешь пятый угол, о, тогда и поймешь, и оценишь всю «глубокомысленную» философию опьяневшего.

17 апреля.

На нашу контору Володя произвел хорошее впечатление. Часто ловлю взгляды, обращенные ко мне, то ехидные, то откровенно любопытствующие. Ощущаю себя диковинной обезьянкой, выставленной на всеобщее обозрение. А сегодня ко мне подошла Зоя Григорьевна, сводня и сплетница. Как-то попыталась она и ко мне подъехать – сосватать нашего механика Василия, но я вполне понятно и доступно постаралась объяснить этой женщине, что ни в ком не нуждаюсь.

Меня воротит от одного ее вида, насквозь лицемерного. Никогда не могла понять ее. Для чего она живет? Весь смысл

ее жизни сводится к очередной сплетне или выкопанной яме под ногами другого человека, куда она и пытается столкнуться. Вот чего у нее действительно не отнять – это умения влезть в душу, причем мыло даже и потребуется. Где улыбкой, где шуткой, где вовремя сказанным словом она может и недавних врагов сделать друзьями. Но я, например, с такими как она, бороться не в силах – наглости не хватит.

20 мая.

Я совсем забросила свой дневник. Боюсь, как бы он не увидел. Откровенно говоря, я сама не доверяю дневникам. С тех самых пор, когда моя сестра нашла мой дневник и показала его матери. Мы тогда еще в школе учились. Боже, сколько же мне было тогда? 14 или 15? Кажется, я училась в девятом. Впрочем, это не так важно сейчас. С той поры я зареклась доверять чувства бумаге. И потом Лена, да, Ленка была для меня всем.

Но она уже два года как уехала, письма и телефонные разговоры не могут заменить живое общение. Я не железная и не могу держать все в себе. Вот и приходится хвататься за ручку и использовать каждый удобный момент. В такие минуты чувствую себя преступницей, но не обо всем можно сказать мужчине, так же – я уверена в этом – и они не говорят всего нам. Бог, наверно, потому и создал подруг и любовников. Все закономерно. Впрочем, бывают исключения, когда любимый человек и друг, и мать, и отец и все осталь-

ные вместе взятые. Но это подобно любому исключению из общего правила случается крайне редко.

25 мая.

Завтра я еду в командировку. Пять дней. И мне как-то беспокойно. Впервые мы расстаемся так надолго. Вспоминаются слова песни: «Легче ждать столетья, чем четыре дня, вдруг в минуты эти ты забыл меня».

Стоп!

А вот об этом, Танечка, не надо. Чем больше беспокоишься, тем больше беды можно накликать. В конце концов, чего боишься, то и случается.

30 мая.

Я потрясена!

Мысли мечутся в беспорядке. Попробую вернуть ясность мышления, напишу все по порядку.

Я старалась как можно быстрее уладить дела, рвалась домой. Но когда зашла в квартиру, сердце екнуло в предчувствии беды. Пахло тишиной, эта невыносимая тишина резала уши. Так и оказалось. На столике у зеркала была записка. Сейчас она лежит передо мной. «Таня, прости, нам надо расстаться, не ищи меня. Володя».

Все! Ни слова больше. Я не знаю, о чем и думать. То ли с ним что-то случилось, то ли он попросту устал от меня и сбежал, испугавшись объяснений.

8 июня.

Даже в нашем городе невозможно исчезнуть бесследно. Я навела справки: к счастью, Володя, жив и здоров. Значит, верно, второе предположение.

11 июня.

«Глупое сердце, не бейся,
Все мы обмануты счастьем».

В счастье слепнем, в горе прозреваем. Наверно, у всех так. Невозможно быть вечно счастливой. Скажешь себе еще раз: выдержим, Танька, выстоим. И не такое бывало. Все пройдет.

Вчера смотрела передачу «Я сама», выступали незамужние женщины, что интересно, на вопрос ведущей, почему они так и не вышли замуж, все как одна ответили, что не нашли своего избранника. А ведь городские, образованные, красивые еще женщины. Почему же одиноки? Вроде бы все условия для хорошей жизни, зарплата, квартира в собственности, комплекс коммунальных услуг. Чего же нам, современным, не хватает?

14 июня.

Долго думала над этим и, кажется, поняла.

А ведь все просто. Не хватает нам обыкновенной челове-

ческой нежности, чуточку внимания. Уж больно измельчали люди, мужчины в особенности. Если раньше были проститутки-женщины, то сейчас и мужчины стали заниматься проституцией. Для наших мужчин главным стал секс, удовлетворение животных потребностей. Секс конечно приятное удовольствие, но если в нем не присутствует душа, то это уже просто случка животных, неважно, кто и какой внешности, лишь бы была баба.

Я понимаю и сочувствую тем женщинам, может потому, что сама в таком же положении.

Хотя с одной стороны мужиков тоже можно понять. Никто не придет в восхищение при виде загруженной опустившейся женщиной, единственные мысли которой «работа – деньги – рынок – дом».

15 июня.

Иллюзии, одни иллюзии. А у кого их нет? Люди слабы, и они любят то, что им приятно.

19 июня.

Тяжело! Тупая и гадкая тоска давит целый день. Субботу провела в полном одиночестве, собеседниками мне были «Белый аист» и «Мальборо». Как быстро я сдаю, в горе ищу утешения в алкоголе и сигаретах. Коньяк и вино не заглушают боли, как назло, я не пьянею, а мрачнею. Сейчас я ужасно выгляжу, все ужасно и плохо. С утра солнечно, изредка

дождик мелкий, на душе тупая душнота.

7 июля.

Жизнь – бесконечные поиски. Но поиски тоже бывают разные: кто ищет сильной протекции, а кто – смысл жизни, пытаюсь разобраться в людях. Жизнь – бесконечно трудный поиск верного пути в дебрях дремучего леса, и каждый раз, когда тебе кажется, что ты нашел дорогу к свету. То оказываешься у болота. И надо вновь искать в себе силы идти дальше. Мы ищем, ищем любовь и дружбу, но чувства эти обманывают нас болотом, и поиски продолжаются.

18 июля.

Я пытаюсь отвлечься и не могу. Попрошу шефа отправить меня в командировку. Все равно куда, хоть к черту на рога, только бы не думать, ни о чем не думать. Хочу одного – забыть. Одиночество невыносимо!

20 июля.

Шеф дал партзадание – ехать, ехать.

28 июля.

Снова поезд. Пора бы вроде привыкнуть, ведь полстраны прокатала уже, ан нет, каждый раз с детской радостью окунаюсь в вокзальную суету. Это как отражение нашей жизни – каждый на вокзале сам по себе. Я возвращаюсь.

В тамбуре толпятся и толкаются люди, загромождая друг другу дорогу чемоданами. Они спешат так, словно поезд уходит через несколько секунд. В соседних купе кричат пассажиры, сгоняют безбилетников. Знаю, потом они, рассовав свою утварь по углам, усядутся у окна с чувством полного удовлетворения. Мне спешить некуда: никто не провожает, никто не кричит последних советов и напутствий, не на кого с грустью смотреть в окно. В дорогу захватила с собой дневник. Вот и пишу от нечего делать.

Напротив меня молодая девушка с гитарой на коленях. Мечтательно касается струн. Купе наполняет грустный мелодичный звон. Она не смотрит на меня, и я могу хорошо разглядеть ее. Миловидное личико, слегка вздернутый нос, полноватые губы. Она в обычной одежде путешествующих девушек: рубашка, шорты. Волосы перетянуты шнурком. С перрона стучат в окно. Какая-то женщина, очевидно, мать, яростно жестикулируя, пытается что-то сказать. Девушка открыла окно, высунулась по пояс и засмеялась: «Мама, да что ты в самом деле, я же не на Полюс еду», но мать все равно всунула ей в руки большой пакет. Ох, уж эти родители!

Звенит чей-то смех. В купе врывается вихрь шума во главе с невысокой девчонкой в потертых джинсах и короткой пестрой майке. За ее спиной я вижу еще одну девочку в топике и юбке. В руках она держит несколько банок с коллой. По всему видно, что заводилой в этой троице чертенок в потертых джинсах.

30 июля.

Двадцать часов поезда вымотали меня совершенно. Как приехала домой, смыла с себя дорожную пыль, прилегла отдохнуть и отключилась почти мгновенно. И проспала почти двадцать часов. Благо сегодня воскресенье, никуда не нужно спешить.

На душе уже нет прежней тоскливости – поездка развеяла ее. Моими попутчицами оказались три девушки-студентки. Мы быстро познакомились: гитаристку звали Оля, двух других – Наташа и Женя. Наташа привлекательна, немного правда полновата для своих лет. Женя, смеясь, объяснила, что это ее дома так раскормили (девчата возвращались из родного города, куда ездили отдыхать, в Саратов, где учились). На мой вопрос, почему у себя не поступили, они ответили:

– Черт его знает почему, то ли дома надоело, то ли приключений искали себе на голову.

– Ну, и как нашли?

– Ого, больше, чем надо! – воскликнула Женя.

Вот кого-кого, а ее бог одарил щедро. В Жене красиво все: лицо, крепкое юное тело, густые белокурые волосы, осанка, манера держаться – уверенно, но без зазнайства – смех, чувство юмора и живость характера. Именно с такой и писали вечно юную Афродиту. В троице Женя была явным лидером, и чувствовалось, что девушки немного завидуют ей. Впро-

чем, Жене бы позавидовала любая женщина.

Но видно, девчонки Женьку очень любят, за эти несколько часов я и сама привязалась к ней. Поначалу они обращались ко мне на «вы», потом, когда Оля сыграла по моей просьбе на гитаре, скованность ушла сама собой. Мы весело болтали о разных пустяках, заедая их обычным ужином пассажира: яйцами, помидорами, картошкой, пирогами и бог еще знает чем. Стол к тому времени исчез под грудой мешочков, свертков и пакетиков. Девочки угощали меня домашней выпечкой. Есть мне особо не хотелось, тем более я знала, им еда будет нужнее, хотя девочки уверяли меня в три голоса, что у них «эдакого добра предостаточно, родные постарались на славу».

Потом Оля снова играла и пела. У нее приятный голос, мягкий и мелодичный. Женя страстно уверяла Олю спеть их «самую-самую».

– Понимаешь, Таня, – это уже мне адресовалось, – она сама ее написала и стесняется исполнять. Я ей говорю, песня класс, а она ни в какую. Ну вот что ты с ней сделаешь?

Тут меня взяло любопытство, что же такого может сочинить молодая девушка, да и авторские песни я люблю с самого детства, и потому я попросила Олю сыграть что-нибудь свое. Ольга смущенно отнекивалась, но потом поддалась нашим уговорам, но «Женька, петь будешь ты». «Нет проблем, приступайте маэстро».

Женька схватила со стола ложку и взмахнула ею с самым

серьезным видом. Олины пальцы легко коснулись струн, Женья вступила приглушенно и слегка хрипловато, но голос впрочем красивый и чувствовал музыку, сливаясь с ней в единое целое. Слова песни незатейливы, но захватили меня, и я впоследствии записала их.

Поезд уходит далеко-далеко,
И прошлого не вернуть.
Поезд уходит далеко-далеко,
И колеса стучат – в путь.

В путь-дорогу ветер зовет,
Что кружит в душе моей,
В путь-дорогу ветер зовет
Веселых моих друзей.

Друзей, что разделят с тобой
Горе и радость всегда,
Друзей, что не покинут тебя
В этом пути никогда.

Никогда не жалею ни о чем,
И дома слезы забудь,
Ведь поезд уходит далеко-далеко,
И колеса стучат – в путь.

– Девочки, это просто замечательно! – Я не скрывала восхищения.

– Вам правда нравится? Вот Ольга, я тебе твержу, а ты не веришь. Знаете, и Наташа ей тоже самое говорит, а она... – Женя радовалась за подругу больше всех.

– Оля, если не трудно, сыграй, пожалуйста, еще что-нибудь.

На этот раз девушку не пришлось долго уговаривать. Оля играла, девчонки пели, то вместе, то по очереди. Видно за год учебы спелись они хорошо. Меня поразила последняя песня. В отличие от остальных уже слышанных, от слов этой песни веяло тоской и холодом. Я невольно вспомнила себя. И девочки тоже как-то притихли. Ольга закрыла глаза, словно улетела куда-то вместе со звуками своей гитары, Наташа смотрела в окно невидящим взглядом, и даже беспокойная Белоснежка замерла в углу сиденья, обхватив руками колени. Я на миг взглянула на нее и поразилась внезапной перемене. В глазах, прежде озорных и сияющих, не прыгал больше бесенок. В Женькиных глазах застыла боль, затаенная и глубокая боль. Как же умело скрывает она свои чувства, скрывает так, что даже близкие подруги ни о чем не догадываются.

Зачем говоришь – прощай?

Уходишь молча, хлопнув дверью?

А ты мне любовь обещал,

Но все окончилось постелью.
Больно покинутой быть,
Знать, что больше ты не нужна,
Знать, что не сможешь забыть.
В душе оборвана струна.
Проходит все, пройдет печаль,
Но сердце рвут воспоминанья.
Ты бросил уходя – прощай!
И позабыл о всех признаньях.
Я выдержу, смогу забыть
Всю страсть весны и горечь лета,
Но уходя – ты уходи,
Проходит все, пройдет и это.

– А эту песню Женчик написала, – сказала Наташа, и мне сразу все стало ясно. Ольга отложила гитару, Наташа достала карты, предложив мне составить им партию. Вежливо отказавшись, я вышла в тамбур покурить. Хотелось собраться с мыслями. Ко мне вскоре присоединилась Женя. Мы разговорились, и она рассказала мне свою историю, похожую на тысячи других историй брошенных девушек. Поначалу я удивилась – почему мне? Потом поняла. Мне, случайной попутчице, поведать о наболевшем было гораздо легче. Завтра мы простимся и вряд ли когда-либо встретимся вновь.

Почему-то с чужими людьми легче поделиться болью, особенно когда свои, родные, далеки от тебя, как галактики,

и не слышат, а может и не хотят слышать. Кругом одиночество.

Мы очень тепло простились. Девчонки улыбаясь, обнимались и жали мне руки. Женька на мгновение задержала свою руку в моей и поблагодарила одним взглядом. Дай бог тебе счастья, Женечка!

2 августа.

Милые мои девчата! Боже, как вы были правы: надо действительно что-то менять в жизни! Хотя работа у меня неплохая, именно вот так – НЕ плохая, но и НЕ хорошая, и начинает надоедать, слишком уж одно и то же. Девчонки, девчонки! Ваша юная самоуверенность заразила меня. Я решила – сменю обстановку, уеду из города! Поеду к Ленке, на первое время остановлюсь у нее. Она не откажет, близкая подруга как никак. Она давно меня зовет, все времени не было вырваться с работы. Да, работу надо бросать. В Нижнем подыщу себе место.

5 августа.

Иной раз ловлю себя на мысли, что до сих пор не научилась рассуждать и мыслить здраво и реально. Похоже, это особенности женского мозга, моего во всяком случае, витать в облаках мечтательных фантазий. Да уж, размечталась называется, а мечты так далеки от реальности. С работы не отпускают, оказывается, я ценный и нужный кадр, квартиру

еще нужно продать. Ленке, правда, позвонила, она согласна с моим решением. Теперь дело за формальностями, ну и деньги еще нужны. Ладно, время еще есть. Лена пока работу мне там подыщет.

Вот если подумать, от чего я так бегу? Куда меня черти тащат? Для других можно придумать множество отговорок, а если честно – я действительно хочу сбежать, подобно страусу спрятать голову в землю. Эх ты, наивная дурочка, бежишь от любви. Ты же хочешь забыть, унять эту рвущуюся к нему боль, от которой ежеминутно ноет сердце. Но только время лечит раны. Надеюсь, что расстояния тоже.

7 августа.

Эти скачки погоды измучили меня совершенно. Всю неделю стоит ужасная жара, термометр показывает 25 градусов. Куда это годится?! Чувствуешь себя рыбой, вытасченной из воды сетями рыбака. В комнате душно, а распахнешь окно – в нос бьет удушливый запах машинных выхлопов. Да на улице еще хуже и куда душнее, в помещении хотя бы кондиционер, а впрочем и он едва тянет. Не знаешь, куда себя деть, в голову лезут только невеселые мысли. Скорей бы дождь!

10 августа.

Ну и погодка! Вроде уже и не жарко, но воздуха по-прежнему не хватает. На улице нет ни одного человека – все попрятались по квартирам. Неба не видно совсем, все заволоч-

ло сизыми тучами. Кажется, дождь начинается.

11 августа.

Дождя все нет и нет. Сотрудники мои чуть не молятся на него. Александров как всегда выкинул номер. Подошел к портрету шефа, протянул руки к нему. Контора сразу насторожилась – что-то сейчас будет. А он поповским басом воскликнул: «Пощади, господи, души, рабов грешных твоих, не томи ты чоловиков боле. Очисти от скверны да ниспосли всепрощающий дождь. Да святится имя твое. Аминь». «Аминь», – дружно воскликнули все.

Все-таки Александров странный человек. Он весел и остроумен, кумир всея конторы и ее окрестностей, но в глазах одиночество бездомной собаки. Иногда мне кажется, что конторское общество ему неприятно, но он хорошо владеет собой, потому не могу утверждать.

12 августа.

Наконец-то дождь! Небо словно прорвало – полдня льет как из ведра. Как все-таки природные явления действуют на наше настроение. Мою хандру смыло дождем. И пусть все катится к черту!

30 августа.

Осень! Осень! Стоит на пороге, прогоняя прочь лето. Все время поглощают хлопоты с отъездом и работа, спаситель-

ная для меня. С педантичной точностью выполняю теперь разные ненужные мелочи, лишь бы не думать, ни о чем, ни о чем не думать.

10 сентября.

Звонила Лена. Торопит меня. Говорит, что нашла работу и квартиру, так что скоро уже, совсем скоро. Мебель, ковры и всякие мелочи уже продала, осталось только квартиру продать. Неуютно так в пустой квартире, гулко отдаются шаги, словно рядом есть кто-то еще. Скучно и одиноко. Но одинокой я чувствую себя с тех пор, как уехала Ленка. Я больше ни с кем так и не сошлась. Сотрудники и сотрудницы – это одно. Глупые, бессодержательные разговоры целый день, а после работы забывают друг о друге, забиваясь по квартирам. Хотя по сути я такой же рак-отшельник, как и они, и кроме четырех стен своей раковины ничего не знаю и не вижу.

15 сентября.

Скоро, уже скоро. Не могу больше ни о чем думать – так хочется уехать. Ну почему только женщины страдают из-за мужчин, а не наоборот? Неужели такова доля всех баб – страдать и сохнуть?

25 сентября.

А все-таки я люблю его. Трудно признаться в этом даже самой себе. Ни один человек не знает и не догадывается об

этом. Я держусь, вернее, держалась до сих пор. Больше не могу. Я понимаю Женю, у нас одна судьба – бабы-одноночки, минутное удовольствие чьих-то прихотей, износившиеся подстилки, выброшенные за ненадобностью. Но почему я люблю его? Я не логична, как всякая женщина. Он эгоист, а я...я не могу без него. Люблю, люблю его голос, улыбку, взгляд ласковых глаз, руки, в объятиях которых забываешь обо всем на свете, сильное тело...Господи, к чему все это? Одни глупости.

30 сентября.

Все. Осталось три дня.

1 октября.

Это сильнее меня. Я должна его увидеть на прощанье. Впрочем, есть у меня идея. Посмотрим, что получится.

...и последняя страничка, датированная вчерашним днем.

2 октября.

Прощай, Володя! Это, конечно, глупо с моей стороны отдать тебе дневник, но, знаешь, хотелось, чтобы ты хоть сейчас все понял. Я не злюсь на тебя. Ты приносишь людям боль, ранишь чужие сердца не со зла. Такой уж ты человек – подчиняешься первому импульсу, отдаешь всего себя своим

увлечениям, не думая о других. Ты не можешь, ты просто не привык думать о чувствах других людей. Такие как ты не умирают. Судьба этой девочки тому подтверждение.

Но знаешь, я даже в чем-то благодарна тебе. Я ждала от людей, особенно от тебя, милый, любви и нежности. Мы все так одиноки. Ты никогда не задумывался, почему кошки и собаки становятся лучшими друзьями человека? Потому что животное никогда не предаст, и сказать ему все куда легче, чем двуногому собрату. Знаешь ли ты своих соседей, чем они живут, своих родственников и друзей, о чем они думают? Больше, чем уверена, что нет, не знаешь.

Я ничего не жду. Не стоит пустая жизнь моих нервов и сантиментов. Прощай. Не обессудь, коли что не так.

Я закрыл тетрадь. И посмотрел на Рекса, мне даже показалось, что пес улыбается. Он поймал мой взгляд и два раза стукнул хвостом об пол.

За окном шумел дождь, барабанили капли по стеклу, пытаюсь достучаться до сердца.

Город одиночества завершал свой трудовой день, чтобы начать завтра новый. И ничего не изменится. Останется только дождь.

Конец.